

ГАЛИНА РОМАНОВА

БЕЗ
ВИНЫ
ПРЕСТУПНИЦА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 **Без вины преступница** : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190971-0

Так бывает: жизнь, размеренная и рассчитанная, казалось, на годы вперед, неожиданно дает сбой, и все планы, и даже сама любовь летят в тартарары. Можно смириться, если виновница всех бед — ты сама, стоит бороться, если отвечать приходится за ошибки, которые ты совершила в прошлом. Но как прикажете жить, если судьба велит расплачиваться за долги, о которых ты даже не подозревала, потому что в семье тебе всегда вралли о прошлом? О том, что она дочь опасного преступника, Ольга узнала случайно, пытаясь вернуть своего непутевого жениха. Но как после всего, что она узнала, вернуть веру в то, что достойна счастья?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190971-0

ПРОЛОГ

— Может, я могу быть еще чем-то полезен? — Молодой человек шумно сглотнул и добавил: — Вам.

Молодой человек был симпатичным, невероятно симпатичным. На его взгляд, подбородок мог быть более мужественным, а нос не столь изящным, но женщинам такие типажи нравятся. И не смущает их, глупых, что мускулатура у парня хлипкая и душонка мелкая. Конечно, они же видят только смазливую мордашу, слышат нежный голос и верят ему, бесконечно верят.

А он сам верил этому парню?

Он поиграл бокалом с виски, покрутил его в пальцах и снова внимательно оглядел парня.

Высокий, стройный, смазливый, исполнительный, готов ради денег на многое. Смотрит чисто, открыто, искренне.

Только вот преданности нет в этом взгляде. А это важно. Точно так же он станет смотреть и на другого работодателя, и на третьего. На любого, кто заплатит больше.

Нет, таким, как этот, верить нельзя. Его можно использовать, это несомненно. Он все сделает правильно, точно, без ляпов, но...

Но ведь предаст, подлец! При первом удобном случае предаст. Так рисковать он не может. Поэтому решил для себя: парень — материал списанный.

— Может, я и дальше могу быть вам полезен? — повторил гость настырно. — Кажется, я доказал свою способность...

Парень запнулся, подыскивая приличную замену слова «убивать». Нашелся, ты смотри.

Повертел покрасневшей шеей и выдал:

— Мне кажется, я доказал вам свою способность устранять помехи совершенно без всяких проблем. И следов.

Браво. Аплодисменты. Вот это вывернул! Предумышленное убийство с длительными пытками он назвал устранением помех. Вот это цинизм. Вот это мастер.

Он хмыкнул и пригубил из стакана, хотя пить в эту минуту не хотелось совсем. Сделал это больше для того, чтобы укрыться от настороженного взгляда молодого человека.

Он не был дураком, этот тихий подлый убийца, вползающий к вам в дом и в душу под видом милого добряка. Он был очень, очень опасным. И для него он когда-нибудь станет представлять опасность.

Поэтому?..

Поэтому от него надо будет в скором времени избавиться. Тихо, не наследив, как он это умеет.

— Не исключено, что в скором времени ты мне снова понадобишься, — соврал он не моргнув глазом.

— Спасибо! — выдохнул молодой человек с явным облегчением. Как будто он ему только что предложил подписать невероятно выгодный контракт, а не перспективу очередного убийства. — Большое спасибо! Вот увидите, я не подведу.

— Хорошо, хорошо, — поморщился он и отставил в сторону стакан. — Главное, не суетись. И никакой спешки. Пусть все идет своим чередом. Так, как шло.

— Постойте! — Шея парня вытянулась из воротника толстого модного свитера. — Вы хотите сказать, что мне и дальше продолжать с ней... С ней жить?

— Да.

— Но как же так? Я не могу уже! Она мне противна, понимаете?

Парень разнервничался так сильно, что перестал себя контролировать и даже бросил пару сердитых взглядов в его сторону.

Ага, вот он и попался. Чуть что не по нраву, так сразу и уважение, и покорность побоку? Все правильно он насчет этого нахала решил, все путем.

— Я все понимаю. — Снисходительная улыбка в его сторону. — Конечно, понимаю. Это ненадолго, поверь. Но если ты сейчас сразу исчезнешь из ее жизни, это будет выглядеть подозрительно. Согласен?

Молодой человек ненадолго задумался. Потом нехотя кивнул:

— Да, вы правы, так сразу нельзя. Но...

— Поверь, это продлится недолго.

И про себя добавил: «Как и вся твоя ничемная подлая жизнь».

А вслух сказал:

— Пару месяцев придется потерпеть. А потом будешь свободен. Абсолютно свободен.

ШАВА 1

— Ты такая, такая...

Он долго подыскивал слова, даже хныкал потихоньку. То ли сердился на собственное красноречие, точнее, на его отсутствие, то ли просто надоело стоять вот так и что-то говорить попусту. Ничего в итоге так и не придумал и со вздохом закончил:

— Ты такая дура, Лялька!

— Меня зовут Ольгой, — напомнила она.

Глаза заволокло каким-то туманом. Сейчас она вообще ничего не видела. Стояла у окна в ясный декабрьский полдень и ничего не видела. Может, она и ослепла от этого ледяного света, заливающего улицы и делающего все вокруг одинаково белым и безликим? Или она ослепла от горя? От горького горя, которое случилось у нее в яркий воскресный полдень за три недели до главного праздника в году.

А что у нее случилось?

А то и случилось. Ее Вадик...

Ее необыкновенно милый, внимательный, нежный Вадик решил ее бросить. И сказал ей

об этом после того, как они полтора часа с утра провели в постели отнюдь не за чтением книг. После того как позавтракали. После того как собрались прогуляться, может, сходить в кино или в боулинг.

И вдруг...

И вдруг он, уже надев куртку, швырнул куда-то в сторону перчатки. Встал, привалился задом к входной двери и буднично так, спокойно произнес:

— Все. Не могу больше.

— Что не можешь?

Она ничего не заподозрила, потому что он говорил совершенно спокойно. Она продолжала застегивать молнию на длинном, тесном в голенищах сапоге. И даже глаз на него не подняла.

— Не могу больше с тобой, Лялька.

— Сейчас, Вадик. Извини.

Она поняла его по-своему. Решила, что его раздражают затянувшиеся сборы.

— Эти дурацкие сапоги. Не надо мне было их покупать.

— Сапоги ни при чем, — вздохнул он, — сапоги отличные. Это ты дурацкая, Лялька. И я с тобой больше не могу.

— Что?

Она резко выпрямилась. Кровь отхлынула от лица, собралась густой лужей где-то в области желудка. Ей даже показалось, что там булькнуло. Бред!

— Что ты сказал?

Она произнесла это вслух или просто ше-

вельнула губами? Или ее все-таки затопило той кровавой лужей, которая хлынула в душу?

— Я уйду от тебя, Лялька. Уже собрал вещи.

И он!..

И он так сладко ей улыбнулся! Как будто бы говорил ей о чем-то невероятно приятном.

— Ты собрал вещи?

— Да.

— Но когда?

Она точно помнила, что вчера вечером все лежало на полках. Все его трусы, носки, майки и свитера. Все было на месте, она точно это знала, потому что относила ему в ванную свежее белье, которое он, как всегда, забыл взять.

— Но когда ты успел собрать вещи, Вадик?

Она все еще думала, что это шутка такая. Пусть злая, пусть неуместная, но шутка!

— Собрал вещи, пока ты красилась. — Он равнодушно пожал плечами и даже улыбнулся. — Ты сама знаешь, сколько времени у тебя это занимает.

Потом...

Что было потом? Кажется, она пошла из прихожей в гостиную в одном сапоге, который все же успела застегнуть. Упала в дорогое кожаное кресло, которое отец купил в подарок перед самой смертью. Съежилась, прижала руки к животу: внутри разом разболелось все. Как будто ее ранили ножом. Как будто долго избивали.

Попыталась заново повторить про себя все его слова. Повторила. Выходило очень гадко. И она, конечно, не смогла промолчать.

— Ты понимаешь? — Она подняла на него глаза, и этот взгляд его, видно, напугал, потому что он резко отвернулся.

— Понимаю. — Он вяло дернул плечами. — Но ничего не могу с собой поделаться. Ты такая...

Потом он сказал, что она дура, что ему с ней тяжело. Что он дико устал под нее подстраиваться. Он хочет легкости и непринужденности. А с ней так не получается.

Оля к тому моменту уже выбралась из кресла. Стала к нему спиной и слепла от невероятно белого света за окном.

Вадик говорил недолго. Внезапно затих, вышел из комнаты. А через минуту с демонстративным грохотом швырнул ключи на столик под зеркалом и хлопнул дверью.

— Вот и все, — шепнула Оля белому свету за окном. — Вот и все. И его в моей жизни больше нет.

Кажется, те же самые слова она произнесла, когда умер отец. Внезапно умер, нелепо. И так же, как тогда, ее всю залило ослепительным светом.

Потом она странным образом прозрела и увидела, как из подъезда выходит Вадик и медленно шагает прочь. Левая рука в кармане куртки, в правой — сумка. Идет и тихонько ею помахивает — туда-сюда, туда-сюда. Походка неспешная, никакой суеты и нервозности. Даже с высоты ее седьмого этажа видно, что он выглядит удовлетворенным и если не счастливым, то не расстроенным точно.

Вот он остановился, потопал, потряхнул снег

с ботинок. Левый немного пропускал влагу с внутренней стороны, возле большого пальца. Потом задрал голову, нашел ее окна. Вытащил из кармана левую руку и помахал. Ей помахал! И улыбнулся. Оля могла поклясться, что он улыбнулся.

— Сволочь! — крикнула она. И зачем-то добавила: — Чтоб ты сдох!

У Вадика такого в планах точно не было. Минуты через две, не больше, ослепительно улыбаясь ее окнам, во двор въехал вишневый внедорожник. Остановился возле ее бывшего парня. Вадик влез на пассажирское сиденье рядом с водителем. И они уехали.

Кто был за рулем, она, конечно, не видела с высоты седьмого этажа. Но почему-то казалось, что это должна быть женщина. Высокая, красивая, уверенная в себе, с легким характером и непринужденным отношением к жизни. Короче, полная ее противоположность. Та женщина, которая сделает Вадика счастливым. И которая, судя по всему, у него давно имелась в запасе.

Оля еще долго стояла у окна. В теплой юбке, теплом свитере, черных шерстяных колготках и одном сапоге. Ей становилось то жарко, то холодно. То невероятно больно, то на удивление безразлично. Свет за окном менялся — из пронзительного белого превращался в серый. Скоро серые краски станут гуще, темнее, наступит ранний декабрьский вечер. А она все стоит, не двигаясь, у окна — несчастная, брошенная, в одном сапоге. Видно, Вадик был прав, когда называл ее нелепой. Она нелепая и смеш-

ная. Глупая и какая-то неправильная. Другая непременно закатила бы истерику, потребовала объяснений. Попросила бы дать им двоим еще один шанс. А она что?

Она вместо таких вот логичных действий только и смогла, что съежиться в кресле и замолчать. Слушала и молчала.

Нет, он прав: она дура.

Серый свет за окном сделался густым, плотным. Скоро зажгутся фонари. А она только сейчас вдруг вспомнила, что не вымыла посуду после завтрака. Так же, не раздеваясь, в одном сапоге побрела на кухню. Долго прибирала, тщательно вымывая все следы Вадика.

Пепельница с одним окурком? В ведро! Весь пепел в ведро вместе с пепельницей, хоть она сама ее покупала!

Чайная пара дорогого коллекционного фарфора, ее подарок к прошлому Новому году? Туда же — в мусор! И плевать, что дорого. Плевать, что могло пригодиться.

Ей не могут пригодиться в будущей жизни никакие следы прошлого. Никакие! Так, кажется, говорил ее отец, которого она знала совсем недолго.

Он внезапно появился в ее жизни и так же внезапно исчез. Но за то время, что они провели под одной крышей, он намудрил — на сто жизней хватит.

Оля, если честно, иногда даже уставала от его многочисленных советов и афоризмов. Но молчала. Терпела внезапно объявившегося па-

пашу, потому что к тому времени успела осиротеть дважды.

Первый раз — когда на ее пятнадцатилетие умерла мама, проболевшая большую часть жизни. Второй раз — когда умерла бабушка, от старости и болезней. Оле было тогда двадцать два года. А папаша заявился аккурат к ее двадцать пятому дню рождения и заявил, что поживет у нее немного. Потому что очень любит свою дочь, потому что переживает за нее. И еще потому, что ему негде пока жить.

Они стали жить вместе. И неплохо стали жить, кстати. Отец заботился о ней: возил на своей машине на работу, иногда встречал, когда она задерживалась. Часто баловал, покупал подарки. Потом заставил сдать на права и ездить на его машине. Оформил ее на Олю. Сделал в квартире, доставшейся Оле от бабки, недешевый ремонт. Обставил все три комнаты, плюс кухню и прихожую. Дорогой, добротной мебелью обставил. Откуда он брал деньги, если нигде не работал и ничем не занимался, Оля не знала. Но от вопросов воздерживалась — знала, что правду не услышит. А потом...

А потом в ее жизни появился Вадик. Вернее, сначала появился на фирме, где она работала, а потом уже стал частью ее жизни.

Он красиво ухаживал, был внимательным, трепетным, нежным, терпеливым. Познакомил Олю со своими родителями и настаивал на знакомстве с ее отцом. Она как могла оттягивала этот момент, поскольку совершенно ничего не знала о своем папаше и его реакцию предуга-

дать не могла. Но однажды сдалась под натиском Вадика и привела его в дом.

Все сразу пошло не так. С порога! Когда Вадик протянул руку отцу, тот сделал вид, что не заметил. Вадик тогда тоже сделал вид, что понял, будто бы отец попросту не заметил ладонь, протянутую для рукопожатия. Разделся, прошел в гостиную и завел пустой светский разговор об инфляции и политике.

Оля была уверена, что он несет полную чушь. Лучше бы молчал. Тем более что с каждым словом отец становился все мрачнее. Чаепитие, которое она организовала, походило на поминки. Вадик уставился в свою чашку и тоже наконец замолчал. Отец не сводил с него пристального взгляда, а к чаю и сладостям даже не притронулся. Оля переводила глаза с отца на жениха и обратно. Никогда еще ей не было так неуютно в собственном доме.

Вадик в тот вечер поспешил уйти и больше в их доме при жизни отца не появлялся.

Отец же, как только за Вадиком закрылась дверь, первым делом спросил, где она откопала этого суслика. Да-да, так и сказал: суслика.

— Папа! Я попросила бы тебя..

Она принялась покусывать губы, чтобы не наговорить лишнего. Этот прием ее всегда выручал. Убрала со стола посуду, мыла ее долго, специально производя как можно больше шума. Сердито хмурясь, вытерла блюдца из чайного сервиза, который купил отец. Сам он стоял тогда у двери, привалившись к притолоке, и смотрел на нее не отрываясь. А потом сказал, что она

очень похожа на мать, когда злится. Что такая же красивая. И что он никому не даст ее в обиду. Никому, тем более каким-то сусликам.

— Пока я жив, ты под моей защитой, детка, — изрек и удалился в комнату, которая когда-то была спальней мамы.

Оля даже не успела спросить, почему они с мамой расстались. Что такого между ними могло произойти? Надо же, он до сих пор считает ее мать красивой. Но что тогда? Что помешало их счастьем?

Она решила с ним серьезно поговорить, раз момент выдался такой подходящий. Уже подошла к его двери и даже занесла руку, чтобы постучать. Но...

Но не постучала. Потому что отец разговаривал по телефону. Грубо, гадко, страшно! Она резко опустила руку, отпрянула от его двери, попятилась и поспешила скрыться у себя. Хотелось как можно скорее забыть все эти странные слова, о значении которых она даже боялась догадываться.

Кажется, это называют воровским жаргоном?

ШАВА 2

Он отчаянно мерз на сильном ветру и сейчас ругал себя за легкомыслие. Он очень себя любил и редко когда бывал собою недоволен. Но именно сегодня себя стоило ругать.

К обеду улицы неожиданно выстудило, столбики термометров опустились до минус двадца-

ти. Ближе к концу дня вдруг подуло с севера и ветер погнал поземку по сугробам. В девять вечера город трещал от холода. Так, во всяком случае, ему казалось, пока он шел от автобусной остановки.

Отвратительно взвизгивал снег под ногами. Жалобно скрипели кожаные подошвы его дорогих, неуместных по такой погоде ботинок. Тонкий капюшон модной куртки не спасал. Сейчас этот капюшон задубел и гремел, как стеклянный.

Надо было одеться теплее. Надо было подумать, что придется идти пешком от остановки до нужного дома. Не исключено, что его не захотят встретить, как это уже бывало не раз. Не так уж далеко, но на таком холоде каждый метр — один к десяти.

«Странно все как-то», — вдруг забилося в голове, когда он уже прошел пару кварталов. И этот звонок, который отвлек его от важного занятия: он пересчитывал деньги и планировал жизнь на ближайшие полгода-год. И встреча, которой в принципе не должно было быть. И вопрос, который им предстояло обсудить, тоже казался глупым и надуманным.

А может?..

А может, это ловушка?

Он неожиданно сбавил шаг, а через пару метров и вовсе остановился. Покрутил головой, оглядывая ночную улицу. Пустынно, неудобно, темно. Чем не место?

Сделалось не по себе. Он бегом бросился к ресторану в паре десятков метров отсюда.

Влетел на крыльцо, толкнул дверь, ворвался в теплое ресторанный нутро. Вкусно пахнуло кофе и дорогими духами. Он где-то слышал, что рестораторы сейчас вбаживают безумные деньги, чтобы в их заведениях пахло как-то так по-особенному. Он верил и не верил. Вот этому владельцу зачем такие траты? Бар при входе, огромная кофейная машина пыхает паром. Аромат кофе и без того проникает во все уголки. Плюс много нарядных барышень, вкусно пахнущих. Какая нужда тратиться на отдушки?

Он бы не стал, решил он, усаживаясь у барной стойки. Заказал двойной капучино. Да, он был бы рачительным хозяином. Лучше вложить деньги в персонал. У него такого нерасторопного бармена точно бы не было.

— Ваш кофе. — Молодой человек вежливо улыбнулся и пододвинул ему пузатую белую чашку на блюдце.

— Спасибо, — недовольно пробормотал он.

Схватил чашку, с удовольствием втянул густой аромат. Это именно то, что ему сейчас нужно. Глоток обжигающего крепкого кофе с молочной пенкой. И время. Время все как следует обдумать.

Итак.

От заказчика, с которым, кажется, они обо всем договорились, неожиданно позвонили и назначили встречу. В десять вечера. У заказчика дома.

Так не бывало никогда. И не должно было быть. Почему он повелся? Почему поддался соблазну еще раз встретиться с ним? Они же

обо всем договорились. Все решили, расставили точки над і. Зачем снова?

Или это был не заказчик, а кто-то другой? Тот, кто?..

— Черт! — Он вдруг отчетливо понял, в какую западню попал.

Поставил чашку на стойку. Достал телефон и, наплевав на категорический запрет, набрал заказчика. Тот долго не отвечал. Потом наконец раздалось недовольное:

— Разве мы не все выяснили в последнюю встречу?

— Д-да, извините, — заикаясь, зачастил он. Он уже понял, что не ошибся: это действительно ловушка. — Просто... Просто мне позвонили от вас и назначили встречу.

— От меня? Хм. — Недолгая пауза, а дальше на том конце осторожно поинтересовались: — Ошибки быть не могло? Точно от меня звонили? Ты узнал моего человека?

Узнал ли он? Кажется, да. Или ему только показалось, что узнал? Господи, он влип. Он, все знающий об осторожности и давно для себя решивший, что удача на его стороне, он попался? Влип?

Признаваться не хотелось. Он ответил как можно тверже:

— Скорее да, чем нет.

— Так вот, юноша! — Собеседник повысил голос. — Никто из моих людей тебе не звонил и не назначал встречу. И я, разумеется, не звонил. Зачем? Разве мы не выяснили все в последний раз? Совет хочешь?

— Разумеется.

Он будто ослеп, когда попытался нашарить чашку с остывающим кофе.

— Присмотрись к своему окружению. — Собеседник хихикнул. — И почаще оглядывайся, юноша! Бывай.

Он оглядывался, пока шел от ресторана к остановке. Оглядывался чаще, чем требовалось. Поэтому и не рассмотрел человека, который вдруг выступил из темноты и преградил ему дорогу.

— Привет, — тихо поприветствовал его этот человек и даже протянул руку в перчатке.

Он ответил и тоже протянул руку. Также в перчатке.

— Торопишься?

— Да-да, извините. Давайте не сегодня, хорошо?

— А не надо торопиться, — посоветовал тихий недружелюбный голос. — Все беды от спешки, поверь. Кто-то торопится стать известным, кто-то богатым, кто-то просто торопится жить. Ты себя к какой категории относишь?

— Что? Извините! — Он приложил руку к груди, в которой испуганно бухало сердце. — Мне правда дико некогда!

Кажется, у него перемерзло горло, когда он попытался быть вежливым. Слова выходили неуверенными, голос казался скрипучим. Или это снова скрипит снег под подошвами его тонких модных ботинок? Он начал обходить этого так некстати подвернувшегося знакомого незнакомца. Ему правда сейчас не до того. Ему на

остановку, которая вот-вот покажется из-за угла.

— А я вот отношу тебя к категории дураков, которые решили, что могут усидеть на двух стульях. — Незнакомец как будто и не слышал его, даже пошел рядом. — Дураки думают, что могут одурачить всех вокруг. Двойным агентом себя возомнил, парень? Захотел урвать сразу с двух лопухов? Так ты нас называешь? Считаешь в своей келье наши деньги и ржешь?

Он даже ответить ничего не успел. Даже подумать не успел — отвлекся. Неосмотрительно отвлекся: наконец показалась автобусная остановка, и до нее было метров тридцать-пятьдесят, не больше. И там были люди!

Он ничего не успел. В голове как будто что-то разорвалось от странной неожиданной боли. Ноги подогнулись в коленях. Он упал, зарываясь лицом в снег. Хотелось и голову спрятать в сугробе, только бы защититься от ударов, которые сыпались один за другим. Один за другим, один за другим...

ШАВА 3

Оля не могла понять, чем так прогневала небеса. Что такого гадкого и подлого она могла совершить за свою недолгую жизнь? Несколько дней перебирала воспоминания, добралась до выпускной группы детского сада — все безрезультатно. Все ее дурные поступки можно было пересчитать по пальцам. И не было среди них

ни одного такого, за который стоило бы так наказывать.

Началось все...

Да, сначала ее бросил Вадик. Гадко бросил, невзначай, походя, как резюмировала Алла Ивановна Суркова — ее коллега и просто очень хорошая женщина, негласно взявшая над ней, сироткой, шефство.

— Как руки помыл, Оленька! — фыркнула она с чувством, не отрывая взгляд от квартального отчета, который кровь из носу надо было сдать до праздников. — И радуйся, дуреха! Радуйся!

— Чему же радоваться-то, Алла Ивановна? — тихонько всхлипывала Оля в понедельник, а потом и во вторник, в среду и в четверг после злополучного воскресенья. — Все же было хорошо. Так хорошо!

— Значит, не так хорошо было, Олька. — Алла Ивановна сбилась в подсчетах, чертыхнулась и подняла на нее сердитые глаза. — Ничего хорошего, значит, у вас с ним не было, девочка! Ровно было, а не хорошо. И не реви, слышишь? Не реви!

— Я не реву, — пицала Оля и редела.

Приходилось Алле Ивановне выбираться из-за стола, подходить к ней, уговаривать, гладить по голове и напоминать, что все еще у нее будет. Счастье, в смысле. И что она радоваться должна, что небо избавило ее от такого мерзавца.

К пятнице Оля более-менее справилась со слезами. Тоска осталась, конечно. Не такая острая, как неделю назад, но осталась. А слезы

странно высохли. Она даже нашла в себе силы поехать в пятницу вечером с Аллой Ивановной на дачу и пробыть там до утра воскресенья.

Алла Ивановна ее без конца чем-то занимала. Они ходили на лыжах по раздолбанной лыжне, пекли пироги, играли в карты. Даже забрели с пирогами к Аллиной соседке. Оля отнекивалась, говорила, что неудобно, ее, Олю, там никто не знает. Но Алла Ивановна не дала ей договорить.

— Хватит квохтать, Олька! К Марии по субботам сыновья из города приезжают. Это сразу три мужика. Холостых! Перспективных! — Алла Ивановна протыкала указательным пальцем воздух над своей головой. — Она давно пристает — познакомь, мол, их с приличной девушкой. Идем, нечего рассиживаться!

Сыновья соседки, к разочарованию Аллы Ивановны, явились не сами, а с шумной компанией. Спокойных посиделок за самоваром не вышло. Было суетно, шумно, бестолково. Олю, по мнению Аллы Ивановны, никто не успел оценить. Даже Мария.

— Где уж в таком таборе? — возмущалась Алла Ивановна, когда они возвращались с дачи на Олиной машине. — Носилась, как с писаной торбой, с этой анемичной блондинкой. Как думаешь, кто из ее сыновей на ней женится, а, Олька? Вот уж повезло Машке так повезло!

Оля не знала. И совсем не хотела думать ни о сыновьях соседки, ни об их блондинке, которую

они, кажется, не могли поделить и все время по этому поводу собачились.

Ей вообще не хотелось ни о чем думать. Она неплохо отдохнула, развеялась и теперь боялась, что тоска вернется, стоит ей только переступить порог квартиры.

Алла Ивановна ее молчание поняла по-своему. Развернулась к ней, подозрительно прищурилась.

— А ты чего это притихла, девочка? О ком думаешь? Не о том ли наголо бритом Степке, который без конца тебе мясо от мангала таскал, а?

Честно? Оля не очень хорошо помнила и самого Степку с наголо бритым черепом, и его неуклюжие ухаживания. Она все время думала о Вадике. И еще об отце, которому Вадик не понравился с первого взгляда, да так, что тот даже назвал его сусликом. Может, ее отец, которого она так и не успела узнать и полюбить по-настоящему, чувствовал в нем что-то гадкое? Знал заранее, что Вадик так подло с ней обойдется?

Какой там Степа?

— Даже думать о нем не смей! — авторитетно заявила Алла Ивановна.

— Почему? — отпрянула Оля.

Нет, она ничего такого, просто интересно стало, откуда вдруг категоричность.

Но Алла Ивановна снова все поняла по-своему.

— Я так и знала! — всплеснула она руками в кожаных зимних перчатках ярко-розового,

между прочим, цвета. — Я так и знала, что он тебя заинтересует! Нет, вот почему, Олька, тебя все время тянет к мерзавцам?

Это Олю позабавило. Пришлось подавить улыбку и серьезно спросить:

— А он мерзавец, Алла Ивановна?

— Еще какой! Только на моей памяти он приезжал к Марии раз десять. И всякий раз с новой девицей.

— И что с того? — Оля равнодушно дернула плечами.

— Вот! Вот в чем ваша беда, молодежь! — Кисти рук Аллы Ивановны в ярко-розовых перчатках запорхали, как большие бабочки. — Все грани, все приличия стерты! Полная беспринципность! Просто переспали — и что с того? Секс не повод для знакомства!

— А он с ними со всеми спал? Вы уверены?

Вот зачем спросила? Оля покусала нижнюю губу. Алла Ивановна сразу начнет подозревать, что ее этот Степка действительно заинтересовал. Смешно, но она даже лица его не помнит.

— Не уверена, конечно, что с каждой спал. — Гнев Аллы Ивановны поутих. — Но мужик с такой симпатичной рожей не может быть нормальным.

— А она у него симпатичная? — зачем-то снова спросила Оля и тут же пожалела. — Не смейтесь, просто я его даже не помню.

— Да?

Алла Ивановна глянула на нее разочарованно. Помолчала и изрекла с тяжелым вздохом:

— А и ладно. Наверняка такой же подлец, как твой Вадик.

Остановились возле дома Аллы Ивановны. Оля помогла дотащить до подъезда сумки с вареньем и соленьями, которые Алла оставляла на зиму на даче. Они тепло простились, и Оля поехала к себе.

Она напрасно боялась собственных стен. Напрасно ждала, что одиночество навалится, стоит ей только перешагнуть порог квартиры. Одной ей удалось остаться очень не скоро.

Только-только она переоделась в домашний спортивный костюм в веселую красно-синюю полоску, как в дверь позвонили. Именно в дверь, а не по домофону. Она сначала обрадовалась, подумала, конечно, что Вадик опомнился и вернулся. Потом насторожилась: к ней никто и никогда не приходил в воскресенье. Никто, кроме Аллы Ивановны. Но она не могла, они двадцать минут назад расстались.

Оля подошла к двери, налегла на нее грудью и уставилась в дверной глазок. На лестничной клетке топтался коренастый мужик неопределенного возраста. Теплая черная куртка, небритое лицо, хмурый взгляд. Без шапки, с короткой стрижкой.

Мужик постоял минуту, потом громко крикнул:

— Ольга Викторовна, открывайте, я знаю, что вы дома!

— А вы кто? — спросила она тоже громко.

— Я из полиции. — Он сунул к глазку удостоверение. Фотография точно его.

Оля послушно открыла дверь. Отступила на шаг, но войти не пригласила.

— Что вам от меня нужно?

— Задать пару вопросов. — Мужик тяжело вздохнул и потер пятерней заросший подбородок. — Следственные мероприятия. Вы можете оказать содействие.

— Я? — Она выкатила нижнюю губу и с сомнением покачала головой. — Понятия не имею, чем я могу вам помочь.

— Я подскажу. — Он кивнул и переступил порог.

Захлопнул дверь, привалился к ней и спросил без всякого вступления:

— Вы знакомы с Синевым Вадимом Игоревичем?

— Знакома. Была.

В голове застучало: с чего вдруг он спрашивает? Вадик на нее жалобу, что ли, накатал? Явился к начальству с претензиями, что пришлось уволиться прямо в понедельник после их неуклюжего расставания? Так она никому об этом не рассказывала, кроме Аллы Ивановны. А та лицо не столь влиятельное, чтобы его уволить. Он сам так решил, сам написал заявление и умчался со своей коробкой, полной всяких милых безделушек, еще до ее прихода на работу. Успел!

— Почему была? — Темные непроницаемые глаза полицейского тут же загорелись.

— Потому что мы теперь... В общем, мы жили вместе какое-то время. Вам это известно, видимо, раз вы здесь. А потом, — она неу-

веренно повела руками перед собой, — потом мы расстались.

— Как давно? Причина расставания? Простите, что интересуюсь, но это может быть важно.

Он достал из кармана куртки потрепанный блокнот и ручку и начал записывать. Пальцы у него были длинные, крепкие, с аккуратно подстриженными ногтями.

— Расстались неделю назад. В воскресенье. — Она говорила медленно, почти диктовала. — Вадик так захотел. Просто после завтрака забрал свои вещи и ушел.

— А причину? Причину назвал? — Полицейский медленно водил авторучкой по строчкам.

— Сказал, что... Что устал от меня. Что я дурацкая.

— Что? — Он вскинул глаза. — Дурацкая? А что, по этой причине можно расставаться?

— Видимо, да.

— А вы что? — Он снова уткнулся в блокнот.

— А я ничего.

— Отпустили?

— В каком смысле? — Она растерянно заморгала.

— Да в каком... — Гость поводил свободной рукой, и куртка мягко зашуршала. — Плакали, угрожали, закатили истерику — как это у вас, у женщин, бывает.

— Я не знаю, как бывает у других женщин. — Оля скорбно поджала губы, мотнула головой. — Не было истерик. Просто он сказал, что уходит. Я села в кресло и оцепенела, если

для вас это так важно. И он ушел. А на другой день уволился из нашей фирмы. Успел уйти еще до моего прихода.

— И больше вы не виделись?

— Нет.

— И не созванивались?

— А зачем? Он, видно, не считал, что я помнела за неделю.

— То есть вы не виделись и не созванивались в течение последних семи дней?

— Нет же, говорю вам. А почему вы, собственно, спрашиваете? — опомнилась она вдруг. — Что-то случилось? Он настрочил на меня клязузу?

— Клязузу? С чего это?

Ее слова его развеселили. Он даже попытался улыбнуться, но вышло криво и некрасиво.

— Не знаю, я просто так подумала. А по какой еще причине вы могли здесь оказаться?

— По той, милая барышня, что вашего бывшего парня нашли с пробитой головой на улице.

— С пробитой головой? А почему нашли, он что, сам не мог до больницы дойти? Хотя бы «Скорую» вызвать — у него же всегда под рукой телефон!

Правда, что ли, она такая дура, как он говорил? Вот и полицейский смотрит на нее с сочувствием.

— Его нашли мертвым, Ольга Викторовна.

— Что?! — Она открыла рот, и следующее слово вылетело откуда-то прямо из сердца, потому что губами она точно не шевелила. — Мертвым?

— Да. Ваш бывший парень убит, предположительно прошлой ночью. Ведется следствие. Я нашел ваш номер в его телефонной книжке, навел справки и узнал, что вы были не просто знакомы. Итак, где вы были прошлой ночью, Ольга Викторовна, что делали и кто может это подтвердить?

Она уставилась на него остекленевшими глазами. Некстати подумала, что, когда полгода назад на улице нашли мертвым ее отца, такие вопросы ей никто не задавал. Никто ее тогда не спросил, где была, что делала и кто может это подтвердить. Хотя в его смерти, между прочим, было много странного, они с Аллой Ивановной об этом как раз говорили. Может, в полиции решили, что она настолько любила отца, что не смогла бы причинить ему вред?

А вот она до сих пор не знает, любила ли она отца и какие вообще чувства испытывала к нему те два года, что они провели рядом.

А Вадик...

Вадик появился в ее жизни стремительно и теперь так же стремительно исчез. Страшная, нелепая смерть. И страшные вопросы в ходе этих, как их там, следственных мероприятий.

— Ужас, — протянула она громким шепотом и сползла по стенке на пол. — Вадик убит? За что? Он же мирный человек! Тихий, неконфликтный...

— Но с вами конфликтовал, однако. — Полицейский резко опустил перед ней на корточки и пристально на нее уставился. — А ну отве-

чайте! Это вы его убили? Не смогли простить, что он вас бросил?

— Чушь какая! — Оля фыркнула неожиданно смело и даже весело. Быстро поднялась и отошла от грубияна на всякий случай на пару метров. — С какой стати мне его убивать? Я что, дура? Да и сил у меня не так много. И потом..

— И потом что?

Гость тоже встал и с хрустом потянулся, как будто только что выбрался из постели, хотя Оля подозревала, он в нее сегодня даже не попал. Если Вадика нашли ночью, а товарищ полицейский ведет следственные мероприятия и вдобавок небрит, то он точно не спал.

— У меня алиби. Так это, кажется, у вас называется? — Неожиданно для себя самой она предложила: — Послушайте, вы ведь наверняка не завтракали. Может, кофе? Или чай?

Он вздохнул, подумал, но так и не решился, отрицательно замотал головой:

— Нет, некогда. Но за предложение спасибо. Так где вы были минувшей ночью, Ольга Викторовна? — И он снова приготовился записывать.

Оля подробно рассказала, где и с кем провела пятницу, субботу и утро воскресенья. Позвонила Алле Ивановне и передала ему телефон. Разговор был недолгим. Алиби полностью подтвердилось, полицейский явно был разочарован. Правда, в дверях нашел в себе силы принести извинения, что потревожил в выходной день.

— Да ладно, — Оля отмахнулась, — это же ваша работа.

— Да, и вот еще что. — Он неожиданно придержал растопыренной пятерней дверь, которую она уже собиралась захлопнуть. — Никакая вы не дурацкая.

— Что? — Она опешила.

— Нормальная вы девушка. Не дурацкая, говорю. — Он вымученно улыбнулся. — Сам он дурацкий, покойник этот. Задал нам выходные, блин.

И ушел. А Оля тут же бросилась перезванивать Алле Ивановне, которая могла и приехать, не объясни она ей вовремя, что к чему. Та долго охала, сокрушалась, а закончила, разумеется, на свой манер:

— Нет худа без добра, вот что я тебе скажу, Олька. Господь тебя от него отвел, не иначе. А то и тебе могли бы голову снести. Отдыхай, дите мое. Завтра на работу, неделя напряженная. Отдыхай. Ты огурчики не забыла в машине? Замерзнут ведь.

— Не забыла.

— Вот свари картошечки и с огурчиками съешь. И масла в картошечку побольше добавь. Все, до завтра. Только прошу, не морочь себе голову из-за этого типа! Ты мало что о нем знаешь, чтобы так сокрушаться. Может, он того, бандитом был!

И отключилась. А Оля потом в мыслях все никак не могла закончить этот диалог.

Нет, ну какой же Вадик бандит? Не был он никаким бандитом! Не был никогда даже знаком ни с одним из них. За то время, что Оля с ним жила и встречалась, она ни разу не видела его

в окружении сомнительных личностей. Ни разу. И родители у него милые, интеллигентные, так тепло с ней говорили, когда они вместе ужинали в ресторане.

Вадик был неплохим человеком, решила она минут через десять, ставя на огонь кастрюльку с начищенной картошкой. Решила все-таки последовать совету Аллы Ивановны.

Он был неплохим человеком. Просто не ее.

И снова звонок отвлек ее от хлопот. И снова в дверь! Да что за день сегодня такой!

Оля привычно налегла грудью на входную дверь и глянула в глазок. Может, полицейский вернулся? Может, о чем-то забыл спросить? Или запоздало решил воспользоваться предложением и выпить кофе?

Но на этот раз на лестничной площадке стоял не он. Какой-то незнакомый ей пожилой дядька в старомодной кожаной куртке с меховым воротником. Кожаная кепка с опущенными ушами, кожаные перчатки.

— Кто вы? — крикнула Оля. — Что вам нужно?

— Галкин Иван Андреевич, — представился дядька громко.

Сморщил лицо, стягивая перчатки, влез во внутренний карман куртки, достал удостоверение и показал его в глазок. На удостоверении точно была его фотография, только он там выглядел лет на пятнадцать моложе.

— Это старое удостоверение, гражданин, — прокричала она через дверь. — У вас там напи-

сано «милиция». А сейчас нет милиции, сейчас полиция!

Дядька неожиданно засмеялся и похвалил ее:

— Умная девочка, молодец. Да, я сейчас не работаю. — Смех оборвался. — Выгнали! Из-за гниды одной выгнали! Знаешь, из-за кого?

— Если вы сейчас же не уйдете, я вызову действующих сотрудников, — не слишком уверенно пригрозила она.

Услышал, надо же.

— Обойдемся без действующих сотрудников, девочка. Он же только что ушел отсюда, я с ним столкнулся. Сказал, что у тебя алиби на прошлую ночь. Так?

Оля не стала отвечать.

— Есть алиби, есть. Я это и без Жорки знаю.

Оля изумилась. Того полицейского, что совсем недавно ушел, в самом деле звали Георгием.

— Сын мне рассказал, Степка. Степан Галкин. Отдыхали вы вместе на даче у кого-то, — орал дядька на всю лестничную клетку. — Батя, говорит, девушка одна понравилась. Я бы, может, и не встрепенулся, если бы он твою фамилию не назвал. Как сказал, что Волгина Ольга, так у меня и щелкнуло. Впусти, а? Разговор есть серьезный.

Оля молчала и не открывала.

Степа? Тот самый Степа с наголо бритым черепом, который без конца подкладывал ей на тарелку здоровенные куски мяса? Вот уж точно, мир тесен! Он с ней едва знаком, а папаша ее откуда-то знает. Что-то, видите ли, щелкнуто у него, как только фамилию услышал.

Странно.

— А знаешь, девочка, кто та гнида, из-за которой меня с работы погнали? За пару недель до присвоения нового звания и повышения в должности? А, не знаешь! — Дядька вдруг сжал кулак и принялся барабанить в ее дверь. — А у гниды той имечко есть! Помирать стану — не забуду. Эта гнида — папашка твой, Ольга, Виктор Петрович Деревнин. Его я должен благодарить за загубленную карьеру и жизнь. Если бы не Степка, подход бы давно или спился. Не хочешь ничего узнать о папашке своем героическом, а, Оля? Многого могу порассказать!

А кто бы не захотел? Кто бы устоял перед соблазном приподнять завесу над прошлым ее родителей?

Оля не устояла. Еще раз внимательно изучила недействительное удостоверение капитана Галкина и впустила в квартиру.

— Тебе не стоит меня бояться, девочка, — предупредил он сразу. — Расскажу тебе кое-что и уйду. Только это, Степке не говори, что я был у тебя, хорошо?

Оля передернула плечами. Она не собирается ничего говорить Степану, потому что вряд ли когда с ним увидится. Она даже лица его не помнит!

— Не поймет Степка. Не простит. — Галкин-старший вдруг втянул носом воздух. — Картошку варишь?

— Ой!

Оля бегом бросилась на кухню. Картошка давно кипела, расплескивая белую пену во все

стороны. Оля сняла крышку, швырнула ее в раковину. Потыкала картошку ножом — почти готова. Обернулась.

Галкин стоял у стола и смотрел на нее. Вернее, рассматривал. Оля тоже прошла по нему изучающим взглядом.

Невысокий, сын намного выше. Лица его она не помнила, но что тот высокий — была уверена. У отца редкие светлые волосы. Взъерошенные кепкой, они сбились на макушке в комок, но он даже не попытался их расправить. Светлые серые глаза. В уголке левого глаза шрам, отчего веко полностью не открывалось, и глаз все время казался прищуренным. Морщинистое лицо, бесцветные губы. Сутулится, из-за этого кажется ниже сантиметров на десять. Старомодный свитер с вышитым на груди орлом, старомодные теплые брюки, махровые носки.

Ее гость был опрятным, но все равно казался запущенным, брошенным каким-то. Как будто он никому не нужен. А как же Степа, его сын?

— Степка со мной не живет, — заявил Галкин.

Ей сделалось неуютно под его прищуренным взглядом. Или все-таки он не щурится, а так кажется только из-за шрама?

— И жалеть меня не надо, — попросил Галкин и потащил от стола тяжелый стул. — Я присяду, с твоего позволения. Чай и кофе не предлагай, не стану злоупотреблять твоим гостеприимством. Я к тебе просто поговорить. Ты, Ольга, картошечку-то слей, а то переварится, не годная будет.

Она неожиданно послушалась. Слила кипяток, секунд десять подержала кастрюльку на огне уже без воды, чтобы картошка обсохла. Накрыла крышкой, сверху полотенце. Села за стол напротив Галкина.

Минуты две они молча смотрели друг другу в глаза.

— А ты молодец, — неожиданно похвалил он, — настырная. Не в матушку свою.

— Вы и ее знали? — Оля вздрогнула.

Надо же, день, полный сюрпризов. Нехороших, даже трагических.

— Знал. Представь, влюблен был немного, когда отец твой был у меня подследственным. Она уже тогда болела сильно, но все равно была красавица. Слаба духом только. Все ее ломали, как хотели, всяк на свой лад. Бабка твоя в свою сторону тянула, отец твой — в свою. Сволочь! — добавил Галкин с неожиданной ненавистью. — Сволочь! Прости, конечно, но это же он ее погубил!

— Вы можете не просить прощения. Я ничего не знала о нем в течение двадцати пяти лет. Может, он тоже ничего обо мне не знал?

— Нет, не так. — Галкин запротестовал, заматав головой. Комок волос на макушке стал разваливаться, как потревоженный ветром букет степного ковыля. — Он никогда не упускал тебя из виду, никогда. Просто не влезал в твою жизнь. Не афишировал, что у него есть такая дочка, умница и красавица.

Он осторожно поправил рассыпавшиеся прядки, пригладил их ладонью.

— Что ты знаешь о своем отце?

— Ничего. Я знала его всего полтора года. Летом его не стало.

Оля вздохнула и внезапно поняла, что ей было бы легче пережить разрыв с Вадиком, будь отец рядом.

— И ты так и не узнала, что он уголовник со стажем? — Галкин насмешливо скривил бескровные губы. — Убийца!

Оля оторопела. Она не знала, что делать. Возражать? Так она совершенно не знает правды о своем отце. Гневаться? А что, у нее есть на это право? Гнать этого Галкина вон? Нет, не может она его выгнать, ничего не узнав.

— Начал Витек Деревнин еще в подростках. Промышлял много чем. Ничем, скажу тебе, не брезговал, чтобы денежку сшибить. Периодически попадался. К двадцати годам оброс авторитетом, стал матерым вором. Женился на твоей матери. Как ее угораздило с ним связаться — до сих пор не могу понять. — В голосе Галкина послышалась затаенная боль. — Как ослепла на оба глаза, когда в него влюбилась. Как оглохла и не слышала, что о нем говорят. Станный вы народ, женщины. Матушка ее, конечно, против была, но кто же в таком деле слушает родителей! Потом ты родилась, Оля. Витек сел почти сразу же по делу об ограблении сети ювелирных магазинов. Пока сидел, твоя мать с ним развелась, даже на свидания не ездила. Хотя он старался ей помогать деньгами: награбленное то сбить успел. Деньги он припрятал, мы мало

что нашли при задержании. Он, разумеется, не выложил ничего, чтобы ему срок скостили. Понимал, что все это туфта и ментовский развод.

— Что именно? Обещания скостить срок?

— Да. Витек, он матерый вор был. Словом, награбленное сдавать не стал. Он вообще, знаешь, был зажиточным вором. Не пропивал, не проигрывал в карты, не тратил на баб, как другие джентльмены удачи. У него всегда кубышка была.

— Дальше! — потребовала Оля. — Что было дальше?

Она боялась двинуться, боялась повернуть голову. В ее квартире все сделано и куплено на деньги отца. На деньги вора? Ужас!

— А дальше он вернулся. И попытался вернуть твою мать. Но она была непреклонна, не подпустила его ни к себе, ни к тебе. Могу только догадываться, каких сил ей это стоило. От этого она, может, и заболела. — Галкин опустил голову и мотнул ею с силой, как будто ос отгонял. — Если бы она его не так сильно любила, может, и не заболела бы. Тоска, тоска ее съела! А потом уже и болячка прицепилась. Но, к чести твоего папаши, он принял ее решение с достоинством. Не досаждал, не пытался вернуть, не угрожал. Просто ушел в тень и все.

Оля прикусила губу, чтобы нечаянно не начать хвалить своего покойного отца за благородство. Галкин догадался, ухмыльнулся зло.

— Не надо делать из него героя, девочка. Он им не был. Просто тоже, наверное, ее любил и не захотел делать больно ни ей, ни тебе. Вот и все.

Он запнулся и забарабанил узловатыми пальцами по столу. Взгляд его, устремленный мимо Ольги в проем окна, сделался пустым и безжизненным.

«Как у сумасшедшего», — поежилась она.

— Что, все? Это конец вашей истории? Но тогда у меня вопрос: чего он так долго ждал и не появлялся в моей жизни? Мамы не стало, потом бабушки. Я осталась одна, когда мне было двадцать два. А он пришел еще через три года! Почему?

— Потому что сидел, Оленька, — со злым удовлетворением хмыкнул Галкин. — Долго сидел. А как только вышел и узнал, что ты теперь живешь одна, без бабки, которая его ненавидела, так сразу и приехал. Я так думаю.

— Сидел? — ужаснулась она запоздало. Все что угодно она могла подумать о своем отце, но не то, что он явился к ней прямо с тюремных нар. И эхом повторила: — Снова сидел... Снова ограбил ювелирные магазины?

— Бери выше, девочка! — Галкин воскликнул так, как если бы его распирала гордость за преступления отца. — Банк! Он ограбил банк!

— Банк? Один? Я имею в виду: он что, один грабил банк? Это же нереально!

— Умница, девочка, — неожиданно похвалил Галкин.

Странно улыбнулся, глянул на нее со смесью алчности и удивления. Так их коммерческий директор смотрел на потенциальных клиентов — как будто собирался сожрать.

— Вот и я говорил всем и каждому, что это нереально, чтобы один человек провернул такую операцию. В одиночку вывести из строя сигнализацию, вскрыть хранилище, вытащить оттуда что можно и нельзя и вынести все это из банка. И заметь: скрыться с добычей до того, как приехали мы! Разве это возможно? Гудини нашелся! Вот ответ мне, ты же умница: разве так может быть?

Оля отрицательно мотнула головой, хотя в душе засомневалась. О способностях отца она могла только догадываться.

— Вот и я о том же всем твердил. Что не один он был и что основную, самую важную часть добычи унесли его подельники. Но, — Галкин грустно вздохнул и стал нервно царапать ноготь на большом пальце левой руки, — разве кто слушает! А когда я по именам назвал его возможных подельников, то есть соучастников преступления, меня и вовсе из органов поперли. Так-то, девочка.

— Выгнали из органов за версию? Как-то не очень убедительно звучит, Иван Андреевич.

Она вспомнила его имя и отчество и сама перепугалась. А не на генетическом ли уровне у нее такая память на имена представителей органов правопорядка? Пусть даже бывших. Он ведь представился ей скороговоркой еще на лестничной клетке, а она, выходит, запомнила. А предыдущий полицейский так вообще не представлялся, просто удостоверение показал, а она выхватила имя — Георгий. И фамилию его, кажется, тоже запомнила.

— А как фамилия Георгия, с которым вы столкнулись в моем подъезде? — Она решила себя проверить.

Или ей привиделось, или у нее действительно фотографическая память и удостоверение было на имя Георгия Окунева.

— Жоркина-то? — Галкин удивился. — Окунев, Георгий Михайлович Окунев. А что?

— Нет, ничего. — Ей совсем не понравилось, какие способности она нечаянно в себе открыла, и она поспешила вернуться к теме разговора. — Так почему вас выгнали из органов за версию? Что в этом такого, в самом деле? Поделались предположениями, дальше что? Заподозрили кого-то не того?

Ей показалось или Галкин побледнел? Хотя куда ему бледнеть, и без того кожа прозрачная. На землистом лице светло-голубые глаза казались совершенно бесцветными.

— А ты молодец, девочка, — в который раз похвалил он, но теперь как-то подозрительно слащаво. — Я и в самом деле заподозрил не тех, кого можно было подозревать. Оказалось, что я в их сторону и смотреть не имею права, не то что... А тебе отец что-то рассказывал, да?

— Нет, не рассказывал. — Оля вздохнула, качнула головой. — Станет он рассказывать о таком! Но вы сказали, что ему удалось уйти из банка с добычей. А как же вы вышли на него? Он что, по неосторожности оставил отпечатки пальцев?

— Молодец! — снова похвалил Галкин и обозлился. — Нет, пальцы он не оставлял. Он оставил кое-что похуже.

— Что же?

— Труп. Он оставил труп охранника банка. Папаша твой точно был уверен, что на него не выйдут, он все там подчистил. И ствол был левый, и отпечатков пальцев нет. Одного он не знал: хозяин банка повесил на каждого охранника крохотную такую видеокамеру. Новинка в те времена была, что ты! Стоила безумных денег, здесь купить было невозможно, только за границей. Так вот, записи с этих камер напрямую шли на компьютер в операторскую. Каждая смена — запись. Витек Деревнин, понятно, этого не знал. Он рацию каблуками ботинок об пол раскрошил, а насчет камеры не знал. Утром, когда уже следственные мероприятия шли полным ходом, нам директор банка эту запись и принес.

— А на ней мой отец выстрелом в лоб убивает охранника, так?

Оля поежилась от странного озноба. Она уже жалела, что впустила в дом этого человека. Не нужны ей тайны ее родителей, совсем не нужны. Она прекрасно жила в неведении. Как она теперь должна чувствовать себя среди вещей, к которым прикасался ее отец? Среди вещей, купленных на деньги, на которых чья-то кровь!

— Не в лоб. — Голос Галкина вернул ее к реальности. — Охранника убили выстрелом в спину, пуля вошла прямо в сердце.

— Как это? — Оля встряхнулась. Что из вещей выбросить первым делом, она решит потом, успеет еще. — Как же установили, что он

убил охранника, если выстрел был со спины? На спине у охранника тоже была камера?

— Нет. Камера была встроена в правый карман униформы. На записи четко видно, что именно твой отец грабил банк. Охранник застал его у распахнутой банковской ячейки.

— А убил тогда кто?

— Сочли, что он. — Галкин пожевал губами. — У меня были сомнения. Я говорил и буду говорить, что охранника убил кто-то другой. Тот, кто в ту ночь был вместе с Деревниным в банке. Но меня не послушали и выгнали. Убийцей признали Деревнина. На суде он молчал: не отрицал вину и не сознавался. И не сдал никого.

Оля же мысленно вернула пару шкафов со свалки обратно в комнаты.

С этой странной историей еще разбираться и разбираться. Правда, разбираться некому, а она не станет. Но вещи пусть пока проживут в ее доме, там видно будет.

— Вот такая история, девочка, приключилась много лет назад.

Странно, что, даже подведя черту, он остался сидеть за столом. По ее представлениям, ему давно пора было на выход. А ей пора обедать, если кусок полезет в горло.

Галкин сидел, продолжая царапать пожелтевший от возраста ноготь на большом пальце левой руки. Оля не выдержала этой звенящей тишины.

— Я все поняла, Иван Андреевич. — Она приподнялась и сделала шаг в сторону двери,

намекая, что ему пора. — Мой отец был мерзавцем. Но его уже нет в живых, и поэтому...

— Ты веришь, что ружье, которое давно висит на стене, когда-нибудь да выстрелит? Ты веришь в это, Оля? — вдруг спросил он.

— Что? Какое ружье? Какое еще ружье, Иван Андреевич? У отца не было никакого ружья! В этом доме нет оружия!

Она стала терять терпение. Ей надоели загадки прошлого и двусмысленность настоящего. И она есть хочет, картошки с огурчиками Аллы Ивановны, действительно бесподобными. И чаю попить. И подумать в тишине. И погоревать по Вадиду, так странно ушедшему сначала из ее жизни, а потом из собственной.

А этот обиженный старик несет какой-то бред и ее заставляет все это слушать.

— Понимаешь... — Он снова безжизненно уставился в пролет окна. — Вот на стене висит ружье, заряженное. Об этом все знают, боятся его поначалу: оружие все-таки. Потом привыкают, почти забывают о нем. Никто уже не думает об опасности. А оно в один прекрасный день возьми и бабахни!

Оля испуганно попятилась.

Кого она впустила в дом, сумасшедшего? Он же безумный, сразу видно. Глаза остекленевшие, руки подрагивают, в углах рта сбилась слюна. И говорит бессвязно. А телефон остался в прихожей. Она даже добраться до него не успеет, чтобы вызвать помощь.

— Ты меня не бойся, Оля, я не сошел с ума. Это просто метафора.

Углы его увлажненного слюной рта ушли резко вниз. Галкин осторожно потрогал волосы, как будто они успели разлететься, как зонтики одуванчика. Поднялся.

— Я почему приходил-то, девочка... — Он поплелся в прихожую.

Оля двинулась за ним на приличном расстоянии.

— Я пришел потому, что ружье выстрелило.

— Какое ружье? Иван Андреевич, честно, вы меня пугаете!

Он хмыкнул. Подошел к зеркалу и очень осторожно надвинул кепку, будто боялся, что собьет все волосы и они опадут к его ботинкам. Потом повернулся к ней и произнес с удовлетворением:

— А тебе и надо бояться, Оля. Пришло твое время бояться, понимаешь? Ружье-то выстрелило не просто так, а со значением. — Он вытащил из раздувшихся карманов толстые перчатки, стал их натягивать. — Сначала умирает твой отец при весьма загадочных обстоятельствах. Теперь Синев, и тоже весьма странно.

— Вадик? Вы знали Вадика? Откуда вы?..

Она запнулась. Только сейчас до нее дошло, что именно ради этого Галкин к ней и пришел. Все, что было сказано там, на кухне, было предисловием. А самое важное, то, что ее интересует больше всего, приберег на потом. Но говорить об этом подробно он почему-то не хочет.

— Вы знали Вадика? Ответьте!

— Лично знаком не был. — Рукой в перчатке он вдруг принялся вытирать засклябленный рот.

Господи, до чего он противный! Стоит ли вообще ему верить?

— Лично с ним знаком не был, но вот с его отцом... Хотя, если разобраться, и с его отцом я не успел познакомиться при его жизни.

— Отец Вадика умер? — вытаращилась Ольга. — А с кем же тогда он меня знакомил? Папа и мама...

— Не было у него никого, давно не было. Мать ушла следом за отцом. Не выдержала горя, спилась. С кем он тебя знакомил — лучше бы спросить у него, но теперь и не спросишь. Да, кстати. Так ведь и уйду и не скажу, зачем приходил. Ты такая болтушка, Оля, все время перебиваешь старика! — Он гадко хихикнул и уже от дверей обернулся на нее с ухмылкой. — Фамилия того охранника, которого пристрелил твой папашка, была Синев. Игорь Синев. Он, а не кто-то, с кем тебя познакомили, был родным отцом твоего погибшего Вадика. Твой жених — сын убитого твоим отцом охранника. Так-то, девочка.

Галкин вышел на лестничную клетку. Вяло козырнул ей почему-то левой рукой и медленно пошел к лифту, не переставая бормотать:

— Зачем Синев-младший появился в твоём доме? Вопрос. Почему после этого твой отец прожил недолго? Вопрос. Почему после смерти твоего отца сам Синев-младший прожил недолго? Вопрос. Забытое всеми ружье стреляет, стреляет...